

Цянь Яо совершенно не помнил, как его вернули назад. С того мига, как он увидел императора, разум его превратился в чистый лист, а сам он стал похож на сломанные часы, в которых время навсегда замерло.

Когда сознание начало возвращаться к нему, он обнаружил, что находится в пустой комнате.

Посреди нее стояла лохань, полная горячей воды, от которой поднимался густой пар, а рядом лежало привычное темно-красное одеяние евнуха.

Оцепенение медленно спадало, и разум наконец включился в работу. Цянь Яо осознал, чего от него ждут: он скинул грязную одежду, вошел в воду и принялся отмываться.

Сквозь пелену пара ему почудился голос государя: «Почему ты такой грязный?»

Эта мысль заставила юношу поторапливаться. Тщательно смыв с себя дорожную пыль и запах неволи, он вытерся и вновь облачился в знакомые одежды.

На мгновение его посетило странное чувство: а не было ли всё случившееся лишь дурным сном? Быть может, он и не пытался бежать? Быть может, он весь день послушно прождал Его Величество в шатре?

Эта иллюзия дарила призрачное утешение, и Цянь Яо принялся отчаянно убеждать себя.

«Да, это всего лишь сон. Я никуда не уходил. Я был здесь, ждал возвращения императора»

Однако это самовнушение рассыпалось в прах в ту же секунду, как его ввели в императорский шатер.

Лу Яньчжоу и Сяо Суйцзы стояли на коленях, их тела были туго скручены веревками.

Хрупкий замок надежды рухнул. В памяти вспыхнула картина: его вытаскивают из глиняного чана. Перед ним — Ци Ань на высоком коне, вззирающий на него свысока. В багровых отсветах факелов разноцветные глаза императора казались жаждущими крови.

— Цянь Яо, твои игры закончились, — прозвучало тогда, точно смертный приговор.

Ноги юноши подкосились, и он, точно лишившись костей, бессильно осел на землю.

Несмотря на тяжелые ковры, звук падения был слышен. Он словно потревожило того, кто

сидел за императорским столом, ведя партию в вэйци сам с собой. Государь, державший в пальцах черный камень, поднял голову и окинул вошедшего взглядом.

— Все в сборе.

С этими словами Ци Ань бросил камень на доску. Тот с негромким стуком покатился по дереву, провернулся несколько раз и замер.

Пленник окончательно обмяк. Он не мог даже сохранить коленапреклоненную позу и просто жалко распластался на ковре. В памяти один за другим всплывали образы, увиденные им в Темной тюрьме: бесконечные коридоры, ряды железных решеток и те жуткие «комья плоти», лишённые рук и ног...

Лица тех несчастных были изуродованы до неузнаваемости, но сейчас на их месте Цянь Яо видел Лу Яньчжоу, Сяо Суйцзы и себя самого.

Он внезапно заметил, что на полу перед ним расплываются мокрые пятна. Юноша коснулся своего лица и понял, что плачет.

Страх. Леденящий душу ужас, во сто крат превосходящий то, что он испытал в застенках. Ведь в этот раз накажут не его одного — за его безумство заплатят Лу Яньчжоу и Сяо Суйцзы.

Они лишь хотели помочь ему.

Эта мысль заставила Цянь Яо подавить рыдания. Собрав последние крохи мужества, он попытался доползти до императора, но ноги не слушались. Ему пришлось ползти, цепляясь пальцами за ворс.

— Ваше... — начал он, но голос сорвался, превратившись в сиплый хрип.

Он поднял голову, глядя на господина полными мольбы глазами.

Государь не торопил его. Он молча наблюдал за мучениями своего слуги, ожидая, что тот скажет.

Ужас сковал каждую клеточку тела, сдавливая горло и не давая вздохнуть. Юноша судорожно вцепился в собственную шею, пытаясь протолкнуть воздух в легкие.

Прошло немало времени, прежде чем он смог выдать из себя прерывистые слова:

— Это всё я... Я принудил их помочь мне... Вся вина на мне одном... Пожалуйста, накажите

меня... Только меня одного, прошу вас...

— А-Яо!.. — Лу Яньчжоу хотел крикнуть что-то, но в то же мгновение стоящий рядом стражник шагнул вперед и резким движением вывернул ему челюсть.

Молодой господин Лу захрипел, лишившись возможности говорить. Цянь Яо вздрогнул всем телом и в панике запричитал:

— Это правда я! Они только... только помогали. Умоляю, Ваше Величество, покарайте лишь меня! Молю вас!

Договорив, он принялся иступленно бить поклоны, но силы оставили его после первого же удара лбом о пол. Юноша ненавидел собственное бессилие. Слезы градом катились из глаз, мгновенно пропитав ковер.

В этот момент чьи-то пальцы властно приподняли его за подбородок.

Тело Цянь Яо было настолько слабым, что он безвольно подчинился этому легкому движению. Он взгляделся в глаза Ци Аня, пытаясь понять: поверил ли тот его лжи? Но император, как и всегда, не выказал ни тени эмоций.

Сжимая его подбородок большим и указательным пальцами, государь медленно поглаживал кожу, прежде чем вкрадчиво спросить:

— Ты хочешь сказать, что ты, простой евнух, смог принудить моего личного стража нарушить присягу и служить тебе?

Юноша понимал, что в его словах нет и капли правдоподобия, но разум совершенно притупился. Он не знал, как выпутаться, и потому лишь упрямо твердил свое:

— Да... это я. Я заставил их. Всё дело во мне.

— И чем же ты их принудил? — продолжал допрос мужчина.

— Я... — юноша не знал, что ответить, но и молчать не смел. Слова срывались с его губ сами собой. — Вы ведь так благоволили мне... Я был самым приближенным слугой... И потому...

— И потому ты использовал мою милость, чтобы заставить их предать меня? — в голосе Ци Аня послышалось недовольство. Он чуть сильнее сжал пальцы, и на бледной коже тут же проступил багровый след.

Цянь Яо понимал, что его оправдания звучат нелепо, но иного выхода не видел. Отчаяние захлестнуло его с новой силой. Он мог лишь безвольно кивать, повторяя как заведенный:

— Да, это я... Это я их заставил. Молю вас, накажите только меня... прошу...

— Цянь Яо.

От звука собственного имени юноша вздрогнул. Голос императора внезапно стал ледяным. Ци Ань заставил его поднять голову и посмотреть себе в глаза.

— Значит, ты понимаешь, что я очень дорожу тобой?

— Знаю... знаю... ничтожный раб знает... — Цянь Яо судорожно закивал.

— И именно так ты решил воспользоваться моим расположением?

— Простите меня... простите... я больше не посмею... Клянусь, никогда больше не побегу! Делайте со мной что угодно, только пощадите их! Умоляю!

— Пощадить?

Император издал короткий смешок, точно услышал забавную шутку.

— Ты хоть представляешь, какая кара ждет евнуха за побег и тех, кто ему содействовал?

Цянь Яо не знал ответа, но перед глазами снова встали застенки Темной тюрьмы.

В ушах зазвучали нечеловеческие крики — такие пронзительные, точно лезвие меча, вонзающееся в самый костный мозг. Юноша не выдержал и затрясся в крупной дрожи.

Теря всякую опору, он начал заваливаться и инстинктивно ухватился за первое, что попало под руку. Лишь сжав пальцы, он осознал, что вцепился в голень императора.

Цянь Яо замер и хотел было немедленно отпустить, но внезапная мысль остановила его. Оцепеневший разум наконец выдал проблеск догадки.

Император не послал стражу схватить его, а пришел сам. Более того, он не бросил его в подземелье сразу, а позволил омыться и переодеться. Это не было похоже на действия человека, желающего лишь терзать и мучить.

Значит ли это, что ему дали шанс? Но в чем он заключался?

Юноша не был уверен в своей правоте, но это была их единственная надежда. Он лихорадочно соображал, не отрывая взгляда от своей руки, сжимающей ногу монарха. Ци Ань никогда не выказывал отвращения к его прикосновениям. Напротив, каждую ночь он держал его за руку, позволял спать на Драконье ложе, разделял с ним трапезу, позволял ехать вместе в императорском экипаже...

Неужели император и впрямь испытывает к нему нечто большее, чем просто милость к слуге?

Цянь Яо не смел просить о многом — хватило бы и крупницы тепла. Если это поможет спасти друзей, он готов на всё.

С этой мыслью он, подавив страх, не разжал пальцы, а вцепился в ногу императора еще крепче. Он поднял заплаканное лицо.

Он ставил на кон всё. И, похоже, выигрывал.

Ци Ань не оттолкнул его. Он смотрел на юношу сверху вниз с каким-то странным спокойствием, словно ожидая его дальнейших действий.

Цянь Яо, казалось, понял безмолвный призыв. Но едва он собрался сделать шаг, как вспомнил, что его тайна всё еще не раскрыта. Он замер.

Нельзя. Если Ци Ань узнает...

Но если он ничего не сделает, Сяо Суйцзы и Лу Яньчжоу погибнут прямо сейчас. Две противоречивые мысли бились в его голове, причиняя почти физическую боль. Слезы потекли еще сильнее — юноша действительно не знал, как поступить.

Император, видя его колебания, кажется, потерял терпение. Он холодно произнес:

— За тайный побег...

— Нет! Не надо! — Цянь Яо вскрикнул, понимая, что сейчас прозвучит приговор. Он резко приподнялся, перебивая монарха, и, вцепившись в его ногу, взмолился: — Не наказывайте их! Прошу вас, Ваше Величество, молю!

— О? — Ци Ань усмехнулся. Пальцы, сжимавшие подбородок юноши, вонзились в кожу, причиняя боль. — И какое же ты имеешь право ставить мне условия?

— Я... — слово сорвалось с губ Цянь Яо прежде, чем он успел спохватиться и заменить его на «ничтожный раб». — Я...

Ему и впрямь нечего было предложить взамен. Он был лишь пойманным евнухом. Император волен был сделать с ним что угодно.

— Ну же? — государь требовал ответа.

Под этим властным давлением последняя преграда в душе Цянь Яо рухнула. Ему оставалось лишь одно — верить в ту искру привязанности, что он видел в глазах монарха.

Забыв о риске, забыв о будущем разоблачении, он, вцепившись в его ноги и стараясь поднять голову, прошептал:

— Ваше Величество...

— Хм? — Ци Ань чуть склонился к нему.

В следующее мгновение маленький евнух внезапно зажмурился и, точно принося себя в жертву, обвив руками шею императора, потянул его к себе.

А затем... коснулся своими губами его губ.

Ци Ань замер, пораженный.

<http://bllate.org/book/15347/1418624>